

Смотри, как цепки пальцы и грубы!
Я рвы на ближних подступах конала,
Сколачивала жесткие гробы
И малым детям раны бинтовала...
И не проходят даром эти дни,
Неистребим свинцовый их осадок:
Сама печаль, сама война глядит
Познавшими глазами ленинградонок.

Зачем же ты меня изобразил
Такой отважной и такой прекрасной,
Как женщину в расцвете лучших сил,
С улыбкой горделивою и ясной?
Но, не приняв суровых укоризн,
Художник скажет с гордостью, с отрадой:
— Затем, что ты — сама любовь и жизнь,
Бесстрашие и слава Ленинграда!

...Осада длится, тяжкая осада,
невиданная ни в одной войне.
Медаль за оборону Ленинграда
сегодня Родина вручает мне.

Не ради славы, почестей, награды
я здесь жила и всё могла снести:
медаль «За оборону Ленинграда»
со мной, как память моего пути.

Ревнивая, безжалостная память!
И если вдруг сознёт меня печаль, —
я до тебя тогда коснусь руками,
медаль моя, солдатская медаль.

Я вспомню всё и выпрямлюсь, как надо,
чтоб стать ещё упрямей и сильнее...
Взывай же чаще к памяти моей,
медаль «За оборону Ленинграда».

...Война ещё идёт, ещё — осада.
И, как оружие новое в войне,
сегодня Родина вручила мне
медаль «За оборону Ленинграда».



«О друг, я не думала, что тишина...»

О друг, я не думала, что тишина
Страшнее всего, что оставит война.
Так тихо, так тихо, что мысль о войне
Как вопль, как рыдание в тишине.
Здесь люди, рыча, извиваясь, ползли,
Здесь пенилась кровь на вершок от земли...
Здесь тихо, так тихо, что мнится — вовек
Сюда не придет ни один человек,
Ни пахарь, ни плотник и ни садовод
никто, никогда, никогда не придет.
Так тихо, так немо — не смерть и не жизнь.
О, это суровее всех укоризн.
Не смерть и не жизнь — немота, немота —
Отчаяние, стиснувшее уста.
Безмирно живущему мертвые мстят:
Все знают, все помнят, а сами молчат.

После уроков

Идет обстрел.

И в раздевалке школьной
Ученикам пальто не выдают.
Ребята расшумелись,
недовольны:
Ведь добежать до дому —
Пять минут!
А Галкины ресницы —
Даже влажны:
На сутки с фронта
Брат пришел домой!..
...От этой школы
До окопов вражьих —
Двенадцать километров по прямой.

Буклет подготовила
Кутузова О.А.
гл. библиограф НРБ



Муниципальное казенное
межпоселенческое учреждение
«Николаевская районная библиотека»

Писатели-юбиляры 2025



**«Дыша одним
дыханьем с
Ленинградом...»**

**К 115-летию со дня
рождения
Ольги Федоровны
Берггольц**

Николаевск-на-Амуре,
2025

**Ольга Федоровна Берггольц
(1910-1975)**

Русская советская поэтесса,
прозаик и драматург, журналист.

В годы блокады **1941-1943** годов она находилась в осажденном фашистами Ленинграде. С августа 1941 года работала на радио, почти ежедневно обращалась к мужеству жителей города. В годы войны она, подобно тысячам ленинградцев, стойко переживала блокаду и сумела выразить чувства и свои, и многих в своих стихах.

*Товарищ, нам горькие выпали дни,
Грозят небывалые беды,
Но мы не забыты с тобой, не одни, -
И это уже победа.*

Ольга Берггольц почти ежедневно выступала по радио, обращаясь к жителям осаждённого города. Её негромкий певучий голос, в котором слились боль, сострадание и героизм защитников Ленинграда, говорил правду о городе, ничего не сглаживая, не украшая. И вся страна знала, что Ленинград и в кольце блокады продолжает жить и бороться. Любовь к Родине и способность заслужить другого – вот что помогло выжить и выстоять.

*Я говорю с тобой под свист снарядов,
угрюмым заревом озарена.
Я говорю с тобой из Ленинграда,
страна моя, печальная страна...*

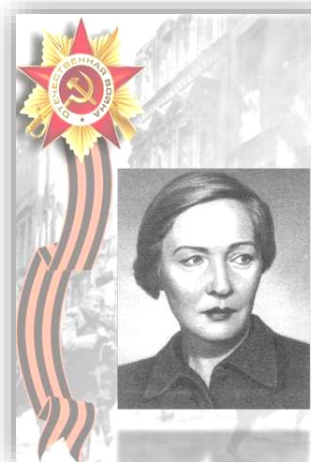
Ольга Берггольц не только выступала по радио, часто вместе с бригадой артистов она выбиралась на фронт, который проходил совсем рядом с городом, читала свои стихи бойцам, защищавшим Ленинград.



*Это фронт сегодня.
Сотня метров
До того, кто смерть готовит мне.
Но сегодня тихо.
Даже ветра нет совсем.
Легко звучать струне.
Знаю, смерти нет: не подкрадется,
Не задушит медленно она, -
Просто жизнь сверкнет и оборвется,
Точно песней полная струна.*

Сама Ольга Берггольц позже говорила: «То, что мы останемся в Ленинграде, как бы тяжело не сложилась его судьба, - это мы решили твёрдо с первых дней войны. Я должна была встретить испытание лицом к лицу. Я поняла: наступило моё время, когда я могу отдать Родине всё – свой труд, свою поэзию. Ведь жили же мы для чего-то все предшествующие годы».

В это время Берггольц создала свои лучшие поэмы, посвящённые защитникам Ленинграда: «Февральский дневник» (1942), «Ленинградскую поэму» (1942). 3 июня 1942 года Ольге Берггольц вручили медаль «За оборону Ленинграда».



Ольга Берггольц превратилась в живой символ Ленинграда, и ее слава не была связана ни с премиями, ни с орденами, ни с тиражами. Всю блокаду в насквозь промерзшем, умирающем от истощения, заваленном трупами городе раздавался ее голос. Висящие на улицах черные тарелки репродукторов не выключались никогда, и ее стихи звучали, когда обессиленные люди спускались к замерзшей Неве за водой, во время артобстрелов, в самые тяжелые блокадные дни, когда дневную хлебную пайку иждивенцев урезали до 125 грамм. Ее голос был с Ленинградом всю войну, и она стала олицетворением стойкости и победы!

*Я говорю: нас, граждан Ленинграда,
не поколеблет грохот канонад,
и если завтра будут баррикады-
мы не покинем наших баррикад...
И женщины с бойцами встанут рядом,
и дети нам патроны поднесут,
и надо всеми нами зацветут
старинные знамена Петрограда.*

*Еще тебе такие песни сложат,
Так воспоют твой облик и дела,
Что ты, наверно, скажешь: —
Не похоже.
Я проще, я угрюмее была.*

*Мне часто было страшно и тоскливо,
Меня томил войны кровавый путь,
Я не мечтала даже стать счастливой,
Мне одного хотелось: отдохнуть...
Да, отдохнуть ото всего на свете —
От поисков тепла, жилья, еды.
От жалости к своим исчахиим детям,
От вечного предчувствия беды,
От страха за того, кто мне не пишет
(Увижу ли его когда-нибудь),
От свиста бомб над беззащитной крышей,
От мужества и гнева отдохнуть.*

*Но я в печальном городе осталась
Хозяйкой и служанкой для того.
Чтобы сберечь огонь и жизнь его.
И я жила, преодолев усталость.
Я даже пела иногда. Трудилась.
С людьми делилась солью и водой.
Я плакала, когда могла. Бранилась
С моей соседкой. Бредила едой.*

*И день за днем лицо мое темнело,
Седины появились на висках.
Зато, привычная к любому делу,
Почти железной сделалась рука.*

